

Мари Наталь
Парящие острова и
Золотые Близнецы

金 空
色 を
の 飛
双 ぶ
子 島

Мари Наталь

**Палящие острова
и Золотые Близнецы**

«Издательские решения»

Мари Наталь

Палящие острова и Золотые Близнецы / Мари Наталь —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982060-0

Когда двое так похожи, как две капли воды, чего им стоит обменяться на денёк местами, и в другом наряде прожить частичку такой другой жизни? Но если эти двое — принц и принцесса великой державы, кто знает, к каким последствиям подобная шалость может привести... Особенно, если прекрасный царевич из соседней страны придет свататься именно в ТАКОЙ день...

ISBN 978-5-44-982060-0

© Мари Наталь
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Выгодное предложение	6
Глава 2	10
Солнечные Близнецы	10
Глава 3	14
Призрак старого замка	14
Глава 4	20
Ахтыгад	20
Глава 5	23
О кораблях и пиратах	23
Глава 6	28
Плаванье	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Парящие острова и Золотые Близнецы

Мари Наталь

© Мари Наталь, 2020

ISBN 978-5-4498-2060-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Выгодное предложение

Сонный полумрак тронного зала нарушили торопливые шаги главного министра, что вывело из состояния легкой дремоты императора.

– Срочные известия! – воскликнул министр, ещё на полпути к мягкому креслу, где задремал было правитель, или, как называли его в этой стране, – фаршад.

Он устало посмотрел на спешащего к нему нарушителя тишины. Министр Эштшэнджи, высокий и тощий, выглядел сегодня по-особенному комично в своей растрепанной одежде. Видно было, что он очень спешил, раз явился в таком виде пред ясные очи фаршада. Широкий пояс его, концы которого спускались до земли и были украшены тяжелыми золотыми углами, перекрутился, и теперь болтался сзади, как раздвоенный хвост. Верхняя одежда, напоминающая кафтан, была застегнута не на ту пуговицу, и весь его вид говорил о суматохе. О том, что стряслось что-то важное, говорил и горящий взгляд на этом испещренном морщинами лице, да и редкая седая борода была по-особенному всклокочена, а тот белый пух, который еще удержался на его лысой голове, возмущенно торчал в разные стороны. Фаршад бы даже рассмеялся, если бы не понимал, что столь растрёпанный вид министра не сулит ничего хорошего.

Взгляд фаршада упал на свиток, который министр держал в руках, и на голубую ленту, которой он был перевязан. Фаршад нахмурился: «Что это – еще одно письмо из Шахрина? – мрачно подумал он. – Какую отговорку на этот раз придумал их император? Медлительная черепаха! Пока он мямлит, люди гибнут! Неужели так сложно решиться на мир? Какое это по счету письмо с тех пор, как наши послы и дипломаты обговорили договор во всех подробностях и согласовали все к удовлетворению обеих сторон? Восьмое? Десятое? Честное слово, государю к лицу большая решительность и твердость. Что за препятствие на этот раз выдумает царевич, чтобы отвертеться от свадьбы с моей дочерью?..». Пока фаршад размышлял, министр успел подойти к нему.

– Что это? – спросил фаршад тяжелым голосом, угрюмо глядя на свиток.

– Фаршад-аджар! – покорно склонился перед ним министр, с самым почтительным обращением в этих землях. – Прибыл посол империи Аарин с письмом от императора! – с этими словами он протянул свиток фаршаду, который, разглядев вблизи ненавистный герб – белого дракона на голубом фоне – движением руки устало оттолкнул свиток, тем самым приказывая министру изложить суть дела. Эштшэнджи не ожидал ничего иного, поэтому начал так:

– Император Аарина, – «Медлительная черепаха» – мысленно прокомментировал фаршад, – предлагает заключить перемирие, прекратив Великую Войну, – «Да неужели?» – не поверил такому повороту фаршад, но, ничего не сказав, лишь кивнул, чтобы тот продолжал. – Единственный выход, который видит император – это брак между представителями королевских семей...

– Эштшэнджи, не заметил ли ты, что император Шахрина наконец-то понял то, что мы обсуждаем уже третий год! – ухмыльнулся фаршад.

– Истинно, фаршад-аджар! Быть может теперь лет через 5 удастся согласовать все детали! – поспешил вставить министр.

– Хотя куда нам спешить? Можно подождать, пока их царевич и наша принцесса составятся, – сострил император, и велел продолжать доклад.

Министр развернул свиток, и зачитал главный момент, с завидной четкостью выговаривая иностранные слова:

– Наследный принц Империи Парящего Змея, Альриин, прибудет в столицу Империи Четырёхсот Островов, Ашанхэ, чтобы свататься к принцессе ШахистрѐХане одиннадцатого дня второй луны...

– Вот и славно! Давно бы так! – прервал его фаршад, не желавший выслушивать ненужные подробности, когда главное уже было сказано. По его губам скользнула еле заметная довольная улыбка. Наконец-то император Аарина заставил своего отпрыска взяться за дела. – Ступай, распорядись, чтобы начались приготовления к встрече Шахриджина.

– Альриина?.. – переспросил министр.

– Кого же еще? – грозно пресек его фаршад.

Министр улыбнулся в бороду – как и большинство френхайнцев, фаршад не мог выговаривать ааринские имена, поскольку оба эти языка слишком отличались. Но в деле государственной важности лучше поломать язык, чем невольно оскорбить иностранных гостей, от которых зависит, будет ли отныне между их странами мир или война. Сам же Эштшенджи свободно владел обоими языками с детства, ведь его отец был направлен в Аарин еще с посольством, просившим для тогда еще молодого Узтакуштами, нынешнего фаршада, руки их принцессы. Отцу Эштшенджи с семьей пришлось прожить в Аарине лет десять, ведя переговоры (о да, Ааринцы в таких вопросах крайне медлительны!), пока Узтакуштами, потеряв терпение, не женился на светлейшей Чин, да успокоится душа ее в небесном замке Аши... Теперь дело, начатое его предками поколение назад, вроде как двигалось к концу, чему министр был несказанно рад. Только одно омрачало радостное будущее...

– Да простит мне мою дерзость фаршад, – начал Эштшэнджи покорнейшим голосом, – но не удостоит ли он вниманием своего покорного слугу?..

– Что еще ты хочешь сказать?

– Фаршад-аджар, посмотрите, в какой день приедет принц Альриин! – с этими словами он достал из ящика низкого столика, стоящего перед фаршадом, календарь и положил его перед монархом.

Календарь представлял собой средней величины кольцо, означавшее год. В середине кольца находился золотистый шарик, символизирующий солнце, от которого исходил бледный свет. Кольцо года не было ровным. Оно состояло из ста продолговатых пластинок, которые сходились во внутренней окружности и расходились в стороны под разными углами. Каждая вторая пластинка была обращена к солнцу и освещалась им – это были светлые дни, остальные были отвернуты от него – темные дни. Все кольцо года было разделено на десять сегментов, раскрашенных разным цветом, а во внешней стороне кольца возле каждого сегмента находился шарик, на каждом сегменте разный. Это были десять лун, которые властвуют на небе темных дней в течение этого срока. Эти отрезки времени, сегменты, назывались лунами. Каждый сороковой день был отмечен красным цветом.

– ...одиннадцатый день второй луны! – воскликнул министр, указывая на красную пластиночку.

– Хм, это тот самый день... Не самый удачный день выбрал принц для приезда... Но почему именно тогда?..

– У меня есть подозрение, что кто-то хочет расстроить свадьбу...

– Об этом в Шахрине никто не знает. Наверняка это совпадение, – отрезал фаршад.

– Вы ведь понимаете, что это за день?! – не унимался первый министр.

– Да, – угрюмо отвечал фаршад, – но что я могу сделать? Выбор сделан принцем Шахриджином...

– Ради величайшей воли Аши! – взмолился министр, хватаясь за свою многострадальную бороду, – неужели принц и принцесса не понимают?!

– Эштшенджи, это традиция, которая закрепилась столькими годами. И никому не приносила вреда.

– Но вы ведь понимаете, чем это грозит?! – несчастный министр, готов был рухнуть на колени.

– Да прекрати ты дергать бороду, меня это отвлекает! – начал сердиться фаршад. Вся эта паника его раздражала и от мельтешения министра начинала болеть голова.

Эштшэнджи оставил бороду и тут же вцепился в жалкие пучки волос на затылке. Глядя на него в эту минуту, любой бы преисполнился уважения к рвению и чувству долга этого доброго человека, а вместе с тем и понял бы, почему министр лыс, как мыльный пузырь.

– О, горе! Мир, которого мы ждали годами... – не унимался он.

– Хватит паниковать. Скажи лучше, чего ты хочешь от меня?

– Поговорите с Вашими детьми! Запретите им это безобразие, в конце концов!

– Я знаю своих детей, Эштшэнджи. Если им что взбрело в голову, они могут послушаться и меня.

– Но Вы же повелитель Френхайнша!

– Довольно, – громовым голосом рявкнул фаршад, стукнув кулаком по столу с такой силой, что свитки полетели вниз, а по залу прокатилось громкое эхо. Министр тут же затих и перестал рвать на себе волосы. По тяжёлому взгляду повелителя Эштшэнджи понял, что перешёл черту и заговорил покорно и смиренно:

– Фаршад-аджар знает, что я пекусь лишь о благе и процветании Империи Четырехсот Островов. Да не прогневается он на меня за излишнее рвение в делах государственных...

Другой бы на его месте повалился наземь и не смел слова молвить, пока фаршад не велит, но первый министр, прекрасно изучив за долгие годы характер Узтакуштами, знал, что преданность государственным интересам он ставил превыше всего, даже выше этикета. И действительно, фаршад сменил гнев на милость и, после минутного молчания, произнес:

– Я поговорю с детьми. Тебе же, Эштшэнджи, поручаю придумать 10 способов избежать скандала в том случае, если они послушаются меня. Даю тебе на это неделю.

Министр в очередной раз покорно поклонился и удалился, оставив календарь напоминающим лежать перед глазами фаршада.

Молодой лучик солнца, так настойчиво пробивавшийся сквозь опущенные занавески тронного зала, скользнул чуть выше и радостно впорхнул в открытое окно, сопровождаемый свежим, немного морозным воздухом. Теплое солнце и холодный ветер, казалось, спорили между собой, как всегда спорят на границе зимы и весны.

В комнате, напротив большого зеркала, висящего на стене и вправленного в раму золотых цветов, сидел юноша четырнадцати лет. Красиво украшенным гребнем из драконьей кости, он расчесывал свои длинные золотые волосы, по которым, сверкая, скользил солнечный луч. Каждая прядь послушно завивалась в идеальный локон под его гребнем. Закончив это ответственное дело, юноша повернулся лицом к окну и глянул на прозрачно-голубое небо. Игривый солнечный лучик скользнул по матовой белой коже; сквозь тень от густых и длинных ресниц, огоньком сверкнул в глазах; спустился по прямому тонкому носу к изящно очерченным губам цвета чайной розы. Его лицо безупречно – радостно заметил луч, удобно устраиваясь на столике среди гребней и баночек с косметическими мазями.

То ли от свежего ветра, новым порывом ворвавшегося в окно, то ли от пляшущего на носу солнечного лучика, юноша чихнул, так мило, что нельзя было не улыбнуться.

Из соседней комнаты раздалась испуганно-взволнованные крики кормилицы, уже спешащей к «ребенку».

– Эсси, милый, ты простудился? Ах, какой ужас! Кто открыл окно? На улице такой мороз! – вздохнула и охала она, закрывая окно.

– Это Шахштрё открыла и ушла, – мягким, еще не сломавшимся голосом отвечал юноша, – Она всегда так делает!

– Шахи, поди сюда!

На зов появилась девушка, как две капли воды похожая на ЭссерджиХану, как похожи все близнецы. Даже фигуры их не сильно отличались – очень молоды были еще принц и принцесса.

– Зачем же ты, милая, – начала кормилица, – открыла окно? Теперь вот твой брат простудился!

– Что за глупости! – строго отрезала принцесса. – Не такой уж он и неженка, чтоб от легкого дуновения простудиться!

– Но он чихнул! – заявила кормилица таким тоном, будто речь шла о конце света, который наступит через пять минут.

– Так что же нам теперь, задохнуться, если он чихнул? – ШахштрёХана не хотела уступать. Такой уж у нее был характер, который не к лицу женщине, но к лицу правителю, или правительнице. И отец возлагал на нее большие надежды, полагая, что она займет его место на троне, когда он решит вновь начать цикл жизни. Фаршад, мудрый правитель и заботливый отец, понимал, что ЭссерджиХана слишком легкомыслен для занятия этой ответственной должности.

Принц глянул на туалетный столик у зеркала, и, обращаясь к принцессе, воскликнул:

– Ты опять взяла мой крем? Это же последний флакон!

– Подумаешь! – фыркнула принцесса. – Поживешь недельку без крема...

– Ты хоть понимаешь, что говоришь? – с ужасом в глазах спросил он. – Этот крем делают только в Шахрине!!! А теперь, когда военные действия возобновились, его вообще нельзя будет достать!

– Ты только о своих кремах да духах и думаешь! Страдают твои подданные, а ты думаешь о креме! – возмутилась ШахштрёХана.

– С чего это они вдруг стали моими подданными?.. – немедленно ввязался в спор ЭссерджиХана. – Если мне не изменяет память, это подданные нашего отца...

«Как всегда!..» – подумала кормилица и принялась их успокаивать.

Глава 2

Солнечные Близнецы

– Это ты виновата!

– Нет, ты! – спорили трехлетние королевские близнецы после того, как драгоценная кукла, не выдержав долгого перетягивания, разломалась на две части.

– Ты подставила подножку!

– Сам виноват, не надо было бежать за мной!

– Не надо было его брать!

– Никто бы не заметил. А теперь отец нас накажет, может даже запретит идти на праздник.

– Подумаешь!

– Ах ты...

Маленькая принцесса отбросила подальше останки драгоценной куклы и покрепче сжала кулаки. На её богатом платье, словно поддерживая хозяйку, звякнули многочисленные золотые колокольчики.

– Счас как дам!

Принц отступил назад, всё еще прижимая к груди свою половину добычи. В драке с сестрой у него было мало шансов и колокольчики, украшающие его одежду, звенели жалобно, совсем по-другому.

Сделав еще шаг, принц сел на землю и громко заревел. Из ярких зелёных глаз посыпались огромные, словно отборные горошины, прозрачные слезинки.

И в зал ворвался вихрь.

Поддерживая многочисленные разноцветные юбки, Шрида, царская кормилица в третьем поколении, бегом пересекла зал и опустилась на колени рядом со своим любимцем. Принц немедленно вцепился в свою защитницу и заплакал еще жалобнее.

– Шахи, Эсси, что, что случилось?

Количество противников маленькой принцессы выросло, но она не собиралась сдаваться:

– Это он виноват!

– Это она-а-а!!!

– Шахи, будь добра, объясни что происходит.

Принцесса была готова к тому, что кормилица окажется на стороне брата, тем более, что он так ревел, будто Шахи его поколотила. Конечно, Шрида даже объяснений слушать не будет! Поэтому принцесса медленно отступала назад, выбирая удобный момент, чтобы спастись бегством, и вдруг:

– Ой!

Там, где по её мнению должен был находиться свободный проход, Шахитрехана наткнулась спиной на что-то твёрдое и высокое. И хотя она, конечно же, никогда и ничего не боялась, неожиданное препятствие заставило её громко вскрикнуть. Чьи-то сильные руки подхватили её и подняли высоко вверх.

– Что это тут у нас? Солдат, покидающий поле боя?

– Яжджан! – радостным воплем девочка приветствовала новое действующее лицо разворачивающейся драмы, начальника охраны и своего первого кумира, офицера Яжджана.

Всегда щеголяющий в отглаженной форме солдат и миниатюрная веселая кормилица в юбках всех цветов радуги, были неотъемлемой частью каждой повседневной жизни малышей. Яжджан повидал все 400 островов своей родной империи, когда служил во флоте. Участвуя

во многих сражениях с Аарином, он всегда выходил победителем и завоевал множество орден, яркие звезды которых в праздники украшали его черно-алый кафтан. А после, в виде особой почести, был переведен на службу во дворец, в качестве начальника охраны. Но все его победы в небе, не шли ни в какое сравнение с тем, сколько подвигов нужно было совершить, чтобы заслужить восхищение принцессы.

Смешливая и добрая Шрида, проводившая на войну уже двоих мужей, была по-прежнему молода и прекрасна. По крайней мере, принц, вооружившись деревянной саблей, был готов поспорить с любым, кто считал, что это не так. С детства он засыпал под её убаюкивающий голос, под истории о рыцарях и красавицах, злых колдуньях и говорящих драконах, в то время как Шахи требовала, чтобы ей читали военные летописи и рэштши¹ знаменитых правителей древности.

Так уж повелось, что в нередких ссорах брата и сестры она всегда могла полагаться на защиту солдата, так же как Эсси достаточно было всего лишь скривить лобик, чтобы Шрида бросилась на помощь. Конечно, эта помощь была, с точки зрения детей, не всегда достаточна. Так Яжджан, к примеру, упорно отказывался рубить голову врагу принцессы...

– Опять военные действия, как я посмотрю? Да у вас больше причин для ссоры, чем у Фрэнхайнша с Шахрином...

– Когда-нибудь я его убью в честном бою! – заявила принцесса, гордо встряхивая челкой. – Когда стану полководцем.

– Насмерть убьешь?

– Ну... – Эсси снова вцепился в кормилицу и приготовился зареветь, – может и не насмерть, как выйдет.

– Значит, отложим конфликт до тех времен, согласны? – Шрида улыбнулась, и принц осторожно кивнул, – Уже темный день² давно, а вы еще не спите.

– Ладно, – потянула принцесса, соглашаясь с видимым недовольством, но на самом деле радуясь возможности побыстрее покинуть зал с растерзанной куклой. Но ее чаяниям не суждено было сбыться.

– погоди, Шрида, на поле боя еще остались жертвы, – Яжджан присел на корточки, – неизвестный солдат. Или, я бы сказал, слишком известный солдат.

Да, им было стыдно. Дети, которые в тот же час получают все, чего бы не попросили, тем не менее, умудрились найти игрушку, которую нельзя было трогать. Среди деревянных мечей и корабликов принцессы или разноцветных бус и воздушных змеев принца не было таких игрушек как эта – ярких кукол, в дорогих одеждах, с волосами из золотых нитей, изображавших древних владык и полководцев.

Когда, несколько дней назад, кормилица повела их в особый зал «на экскурсию», они были очень удивлены. В большой, круглой комнате на широкой полке, опоясывающей стену, стояло множество кукол. Эти куклы были так похожи на живых людей, только маленьких, что ЭссерджиХана сразу подумал, что какая-то злая колдунья заколдовала их. Но Шрида успокоила принца – это настоящие куклы, только сделанные самыми лучшими мастерами. Куклы, сделанные в память о величайших героях и фаршадах, были до мелочей схожи с оригиналом. Шрида рассказывала захватывающие истории, похожие на сказки, о каждом, кто был здесь изображен.

Эта кукла привлекла их внимание сразу; не одеждой, хотя роскошные меховые и парчовые платья были собраны руками ювелиров, и не искусной работы серебряным оружием, укрытым тонкой, едва заметной глазу резьбой. На шее древнего воина висел маленький, не больше

¹ *рэштши* – сказание, описывающее жизнь фаршада до мельчайших подробностей, первоначально использовалось в религиозных целях, позднее рэштши царей стали классическими литературными произведениями.

² *тёмный день* – ночь. Мы привыкли объединять день и ночь в одни сутки, а в этом мире это два дня – светлый и тёмный, которые датируются отдельно в календаре.

ногтя, ключик, который, как они решили, обязательно открывает потайной ход к несметным сокровищам. И тогда, дождавшись удобного момента, они пробрались в комнату с куклами и похитили храброго воина. Шахи была уверена, что пропажи никто не заметит, но чтобы их не застукали на горячем, кукла была перенесена в другую комнату, где можно было спокойно снять ключик.

Но тут и возник спор – Шахи считала, что, найдя сокровища, они должны построить корабль и отправится воевать с Шахрином, в то время как ее брат собирался возвести новый город, где жили бы бездомные животные. Оба проекта вступили в непримиримый конфликт, в результате которого больше всего пострадал древний герой.

– Ты знаешь, кто это, ШахштрёХана?

– Это рыцарь Нээш.

– Был, – заметил между прочим Яжджан, поддавая ногой искалеченную фигурку.

– Я выйду за него замуж, когда вырасту! И он побьет моего неуклюжего брата!

– Не выйдешь! – уже успокоившийся принц высунулся из-за юбки кормилицы и показал сестре язык. – Нипочем не выйдешь!

– А вот и выйду! Яжджан, скажи, что выйду!

– А вот и нет! Шрида!

– Цыц!

По всем писанным и неписанным законам такое обращение к детям фаршада было совершенно недопустимо. Но Яжджан знал – они послушают и жаловаться не станут, а иначе опять дело кончится дракой.

– Рыцарь Нээш пропал в Нижнем Мире, когда отправился искать свою возлюбленную Виши. Говорят, что он пал в битве с тигром-великаном, который держал Виши в плену.

– Ух ты! – глаза ШахштрёХаны горели, она обожала такие истории, хотя в глубине души считала, что победить тигра-великана плёвое дело.

– А Виши? – принц был не так восторжен, его выпуклый царственный лоб прорезала скорбная морщинка – Виши он не спас?

– Да кому она нужна?! Вот Нээш – это да! Если бы он был моим мужем, он бы меня быстро научил, как стать полководцем, да и голову бы Эсси мигом отрубил!

– А я!.. А у меня!..

Вопрос с мужем был очень болезненным. То, что у него не будет мужа, который научит его, как быть полководцем и отрубит голову сестре, Эсси считал страшной несправедливостью. Но не зря он был сыном короля и получал соответствующее воспитание. В отличие от вспыльчивой ШахштрёХаны, его реплики всегда находили свою цель:

– А твой муж будет защищать меня от её мужа, Шрида?

– Думаю, да. Не так ли, Яжджан?

Умиленная кормилица снова подхватила воспитанника на руки, даже не заметив, что проговорила. Но прежде чем дети смогли задать вопрос, в зал проник свет еще одного светильника.

В простых домашних туфлях и с волосами, уложенными для сна, в одну из дверей вплыл сам фаршад. Повелитель Фрэнхайнша был высок ростом, крепок, широк в плечах, и малышам казался великаном. Он был одет в один из своих любимых халатов, из тяжелого вишневого бархата, на котором остряк-портной когда-то поместил вышивку с драконом³, подвешенным за хвост, и тем самым заслужил пожизненную пенсию и 12 место за царственным столом.

Кормилица чуть слышно вскрикнула: то, что правитель покончил с делами и приготовился отойти ко сну, означало одно – едва не половина темного дня прошла. А дети не уло-

³ Дракон на голубом фоне – герб Аарина.

жены! И на самом видном месте валяются останки дорогой куклы, которую сделали задолго до того, как родился не только сам фаршад, но его отец и даже дед. Худо, совсем худо!

– Что происходит? – золотистые глаза Узтакуштами цепко оглядывали комнату, примечая все, до мельчайших подробностей.

ШахитрѐХана шагнула вперед, воинственно сжав кулаки. Перед отцом нельзя было сваливать вину на брата, и она была готова собственноручно понести наказание. Может быть, ее даже запрут в карцер, как военного – подобные испытания только укрепляют дух настоящего рыцаря. А Эсси в карцер нельзя, он крыс боится и вообще...

– Прощения просим, фаршад-аджар, неприятность вышла, – Яжджан шагнул вперед, задвигая принцессу за спину.

– Я бы не отказался послушать поподробнее. Про это, – бедного Нэеша ткнули еще раз, носком полотняной туфли фаршада. Так неуважительно, как сегодня, с ним не обращался, наверное, даже тигр-великан.

– Ну, я это сделал... сломал то есть... неловкий же, осел, вот и Шрида говорит...

– Простите, фаршад-аджар, – кормилица рухнула на колени, как стояла, с ЭссерджиХаной, цепляющимся за шею, – не слушайте его, это я куклу вынесла, детям поиграть, да и сломала, а он меня покрывает, вы же его знаете!

– Молчи, женщина! Я сказал...

– Сам помолчи, «сказал» он! Я куклу сломала, меня и наказывайте!

– У нее в мозгах помутилось, фаршад-аджар, не ведает, что говорит!

– Это у кого здесь помутилось?! Я тебе покажу сейчас «помутилось»! Только время тра-тишь, фаршаду для сна необходимое!

– Не указывай мне!

– Не зли меня!

– Тихо! – правитель не крикнул, а лишь чуть повысил голос и топнул ногой. Но никто не осмелился бы сказать хоть слово после такого приказа.

– Наказать конечно надо, – Узтакуштами еще раз встретился глазами со всеми, кто находился в комнате. Эсси потупился, а Шахи продолжала смотреть упрямо, исподлобья. Ей очень хотелось возразить, но нарушить волю отца она не смела, – раз вы сами признаете свою вину. Но чтобы не было сомнений в справедливости дела, до выяснения всех обстоятельств и ты Шрида, и ты Яжджан, будете нести ответственность за содеянное. Не позволено вам будет все это время веселиться, носить цветные одежды и приглашать гостей, как и полагается для преступников, чья вина ясна, но не доказана.

– Фаршад-аджар...

– Фаршад, у нас десятого дня свадьба!

– Я знаю, – правитель на секунду прикрыл глаза, а когда открыл снова, в них не было и тени сомнений. – Я знаю все о вас, как и о каждом в моем королевстве. В наказание, я отменяю вашу свадьбу.

С этими словами он развернулся и пошел прочь из зала, за ним посеменил подпрыгивая старый рэх⁴, торопливо записывающий в огромный свиток слова фаршада. В зале повисла звенящая виноватая тишина.

⁴ рэх – священнослужитель, позднее чиновник, записывающий все деяния фаршада и находящийся при нем практически неотлучно. Записи рэхов называются «рэхтши».

Глава 3

Призрак старого замка

Им было стыдно. Да, очень стыдно и досадно, этим маленьким, все понимающим близнецам. Стыдно было за то, что сломали драгоценную куклу, одну из тех, которыми так дорожил и гордился отец. К тому же, было стыдно перед человеком, кого эта кукла изображала, и пусть они только смутно могли представлять, кто он такой или, точнее, кем был, хотя слова «был» малыши еще не понимали окончательно. Им, как, пожалуй, и всем детям, казалось, что существует только «есть», и, возможно еще «будет», хотя уже более туманно и расплывчато. Будет всё так, как сейчас, и будут все, кто сейчас, а как это, «было раньше», но уже «нет», они не понимали. Да и о каком «раньше» можно было говорить, когда вот только недавно появились они, и мир появился вместе с ними. Но, тем не менее, было стыдно. И самим близнецам вовсе не хотелось бы, чтобы вот так же кто-нибудь сломал их куклы, точнее куклы, изображавшие их. А если сами они этого не хотели, значит, это было плохо.

Но больше всего было стыдно им не перед отцом и не перед тем почтенным дяденькой, одетым в меха и парчу и подпоясанным блестящим – словно настоящим – клинком. Нет. Страшнее всего было то, что кормилица и охранник приняли вину на себя, и более того, их за это наказали. Насколько страшна для взрослых была отмена свадьбы, они понимали лишь по выражениям лиц своих любимых. Да и те старались не расстраивать никого и улыбались, вытирая слезы, говорили: «Ничего, не переживай, золотце, просто соринка в глаз попала... А слезки ее вымоют и все будет хорошо». А дети даже не знали, как на это реагировать. Каждый, конечно, вел себя по своему, но вот как было лучше, не знал никто из них.

Так прошел целый день. И как не забежит ЭссерджиХана в покои кормилицы, спасаясь от вредной и злой – как ему казалось – сестры, видит заплаканные глаза, да снова разговоры про соринку. И на месте замирал, как вкопанный, и то же происходило с вбежавшей следом Шахитреханой. И обида сразу забывалась и улетучивалась куда-то, и принцесса уже не помнила, за что хотела поколотить брата. Просто переглядывались, и становилось понятно друг другу, что думали и чувствовали, и старались поскорее вышмыгнуть вон из комнаты, и убежать, и спрятаться. Только вот не удавалось убежать.

А с приходом темного дня, когда близнецов уложили в постели и погасили свечи, они, наконец, решили поговорить обо всем. Эсси перебрался в кроватку к сестренке и уселся напротив нее, укрывшись другой стороной одеяла. Их тихий, серьезный шепот слышался в темноте детской опочивальни, на фоне приглушенных всхлипываний кормилицы за стенкой. И было в этом что-то жуткое, и мороз пробирался по коже, от которого ребятишки еще сильнее кутались в одеяла.

– Что будем делать? – спрашивал сестру ЭссерджиХана.

– Может рассказать все отцу? Про то, что это мы разбили куклу?

Принц представил себе разгневанное лицо отца и поморщился:

– Нет... Это в последнюю очередь, – и принц всей душой надеялся, что этой очереди никогда не будет.

– А что тогда?

– Может скажем, что приведение разбило куклу?

– Папенька не поверит, – заявила Шахитрехана. – В замке нет приведений.

– Будут, – многозначительно поглядывая на сестру, принц приподнял краешек простыни.

Было решено. План казался гениальным в своей грандиозности, и тут же начались подготовки костюмов. Эсси накинул на себя простынь, которая оказалась слишком длинной,

и поэтому полы призрачного одеяния волочились по мягкому ковру. Принц попробовал пройти, а принцесса следила за ним взглядом строгого критика. И все было бы так, да вот в темноте не было видно «призрака» с расстояния более десяти шагов, да и шаги у них маленькие.

– Не годится так, – объявила принцесса. – Так нас никто и не заметит и не примет за призраков.

– А как же тогда настоящих призраков замечают? – озадаченно спросил принц, стягивая с кудрявой головы простыню.

– Настоящие призраки светятся. Так в книжках написано, значит, так и есть. Светятся... – призадумалась она, и тут же в бурной детской фантазии мелькнула еще одна мысль. Как всегда гениальная, куда же без этого? А мысль заключалась в том, чтобы под простынями держать лампы, тогда они будут светиться, и уж точно перепугают всех на свете! А кормилицу и охранника простят. Идея и впрямь была очень замечательной. Такой замечательной, что тут же захотелось побежать за светильниками, чтобы привести план в исполнение. К тому времени весь дом уже спал, и если выглянуть в окно, то нельзя было различить отблесков окон на земле и в воздухе – нигде не горел свет.

Скрутив простыни как можно ловчее и взяв их в охапку подмышку, принц и принцесса осторожно вышли из комнаты, и, стараясь не издавать ни малейшего шума, на цыпочках стали красться по длинному и темному коридору. Слишком длинному, если не сказать бесконечному. Красться в темноте было не весело, но все же что-то пощипывало в груди или в животе – они не очень понимали – но было здорово. Аж дух перехватывало. А еще они побаивались, а вдруг появится настоящий призрак, и украдет их? А потом съест, как делают все призраки? Ой-ой-ой...

Немного отставший ЭссерджиХана нагнал свою сестру и шепнул в ухо: «А куда мы идем?» – «Вниз, в поисках светильников, дурак!» – бросила она, сосредоточив все значение фразы на последнем слове. А что? Не нужно соваться с глупыми вопросами в самый ответственный момент!

Коридор кончался, а за его углом поблескивал неуверенный свет. Радостно выглянув из-за угла, детское личико с золотыми кудряшками тут же поспешило спрятаться. Там стоял охранник, а у него уж точно света не попросишь – не даст и отправит спать. Да еще кормилицу разбудит, наядбедничает, и она еще сильнее расстроится.

– Это Рокшин, стрелок, – шепотом сообщила принцесса брату. – Мимо него нам точно не пройти.

«Черно-алый» стрелок незаметно улыбнулся. Он, как и почти все в замке, обожал королевских близнецов, да и фраза польстила его самолюбию необыкновенно. Но правило есть правило, и детей наверняка уже уложили в постель. Чем бы ни было их мероприятие, Рокшин собирался ему помешать.

Прислонив лук к стене, он покинул пост и отступил за угол, где дежурил его напарник. Гораздо тише, чем шептала Шахи на ухо брату, он велел ему доложить фаршаду о ночной прогулке детей, а сам приготовился ждать и следить, куда же их эта прогулка заведет, чтобы ничего вдруг не случилось с ними в ночном замке.

В это самое время ШахитрѐХана провела еще одну разведку. Увидев, что охранника нет, она потянула брата вперед и четыре детских башмачка на цыпочках прокрались в следующий зал. За ЭссерджиХаной тянулась длинная свернутая рулоном простынь – пока основная материальная база для их плана. Спустившись по длинной лестнице вниз, и заглянув в первую попавшуюся дверь, они увидели, что оказались в кладовке. В обе стороны от прохода тянулись темные ряды шкафов и полок, полные всякой всячины. Кладовка была освещена только слабым светом луны, проникавшим через окно на противоположной стене, и в этом слабом освещении все те предметы, что хранились в кладовке, принимали таинственный и зловещий вид.

– Ты ищешь справа, а я слева, – распорядилась принцесса указывая на темные проемы кладовых.

– Нет!

– Нам нужно разделиться, это такая стратегия, – повторила она, используя одно из своих самых любимых в последнее время слов. Но это не произвело на ЭссерджиХану никакого впечатления.

– Я не пойду один!

– Ты не хочешь помочь Шриде? А ведь говорил, что любишь ее. Или... – девочка хотела добавить еще что-то, но вовремя остановилась. Не смотря на то, что она ужасно любила спорить с братом, сейчас был явно не подходящий случай, тем более что он и так уже медленно побрел в свою сторону.

Никто из них не боялся темноты, но каждый воспринимал ее по-разному. Для Шахи в ней скрывался вызов. Ее любимой историей была рэхтша царя Арджани, который умел видеть темным днем также как и светлым, а потому не спал и свершил вдвое больше великих дел, чем все его предки. Она вглядывалась вперед, осторожно переступая ногами, и рукой ощупывала окружающее пространство. Глаза все больше привыкали, позволяя различать выступающие из темноты очертания различных предметов. Сердце маленькой принцессы билось с триумфом – вот это садовая лейка, вот лес лопатных черенков, груда корзин и свертки тканей – все это она видела! Пусть не так хорошо, как светлым днем, ну так на то и нужны тренировки...

А ЭссерджиХана тем временем медленно шел вперед. Он тоже думал об Арджани, вспоминая, как закончилось сказание. О том, как злая колдунья опоила его зельем и вырезала глаза, а потом сказала, что заключила его в темную пещеру без границ, из которой невозможно выбраться. При мыслях о том, как древний фаршад бродил по пустыне, силясь увидеть стены пещеры, и как потом упал вниз с острова, у принца начинали по телу бегать неприятные мурашки. Он ощупал свое лицо и глаза, стараясь убедиться, что все в порядке, но спокойнее не становилось.

Где-то в стороне шуршала Шахи, осматривая свою половину комнаты, и мальчику вдруг захотелось скорее увидеть сестру. Он не держал на нее зла, и все перебранки и драки были скорее привычны, чем обидны. И она могла защитить его от злой колдуньи, от призраков и чужеземных солдат, это было известно ему наверняка.

Развернувшись спиной к темным кладовым он решительно направился туда, куда ушла сестра... и столкнулся с ней посередине зала.

– Ой! – сказали оба и тут же закрыли ладошками рты друг другу. Прислушались. Нужно быть осторожными, чтобы не провалить такое важное дело.

– Я нашла, – гордо прошептала Шахи, когда они встали и отряхнулись. В каждой руке она держала по лампе.

На минуту лицо принца озарилось радостным сиянием, но тут же помрачнело.

– Они же не светятся, – расстроено буркнул он.

– Значит, их нужно зажечь, – неунывающе бодрым тоном заявила Шахи. – Я видела, как кормилица зажигала одну лампу от огня другой. Нам просто нужно найти горящую лампу.

– Ну и где мы ее найдем?! ... Постой-ка... – вдруг задумался Эсси, – возле трона, там где отец работает, всегда светятся лампы!

Близнецы уверенно и одновременно кивнули друг другу, что означало: «Решено!», и вышли из кладовой. К счастью, их часто приводили в тронный зал, к отцу, и малыши запомнили туда дорогу. В этот раз они впервые шли туда без сопровождения взрослых, да еще и в темноте, поэтому было трудновато решить, куда пойти и куда свернуть, но все же дух приключенческого азарта и самостоятельности, подстегивал их вперед.

Со скрипом отворились тяжелые деревянные створки двери в тронный зал, и в коридор, на детей пахнул мягкий, слабый свет, но всё же довольно резкий для глаз, привыкших к тем-

ноте. Дальняя стена тронного зала была закрыта старинным, но все еще ярким широким гобеленом, спускавшимся с самого потолка, и изображавшим герб их царственного рода и всей страны. На черном фоне гобелена были вышиты багровые облака тремя слоями. Золотой стрелой устремлялось в небо дерево и пронзало все три слоя облаков.

Перед гобеленом возвышался трон правителей Фрэнхайнша. Много веков назад, когда династия Шатши только начинала свое владычество в землях Фрэнхайнша, искуснейшие мастера того времени работали, чтобы создать трон невиданной красоты, трон, который бы указывал на могущество монарха и его божественное происхождение. И действительно, подобного мастерства не проявляла еще человеческая природа. Трон был вырезан из цельного тысячелетнего дерева под названием ирджу, чья древесина имела вишневый оттенок. Это самое редкое и самое долговечное дерево. Ведь трон, сделанный из любого другого дерева за 15692 года – именно столько лет прошло с основания династии – превратился бы в труху, и не осталось бы от него ничего.

Подножье трона представляло собой фигуру человека из Нижнего Мира, стоявшего на коленях. Его руки были подняты вверх, и как бы поддерживали ноги государя. Это говорило о том, что руки простого народа представляют собой основу государства. Волосы этого человека были прямыми и довольно коротко остриженными – почти доставали до плеч. Черная краска покрывала волосы плотным слоем, чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что это человек из Нижнего Мира, простолюдин. Сидение трона было похоже на летающий остров – словно перевернутый конус с гладкой плоской вершиной и с неправильной формы нижней заостренной частью. И действительно – казалось, что сидение парит в воздухе, однако это была лишь хитрость гениального мастера. По обе стороны трона стояли фигуры придворной знати – министры. Об этом говорила их одежда, которая, хоть и изменилась со времен создания трона, все же сохранила основные отличительные черты. Длинные и пышные волосы министров были позолочены, что указывало на их благородное происхождение. Головы этих министров служили опорой для рук фаршада. Это было символом того, что просвещенные умы министров направляют руки государя. И, наконец, спинкой трона служило изображение великого бога Аши, который благодаря своему огромному росту возвышался над всеми остальными фигурками и над сидящим фаршадом. Каждого, увидевшего трон, сразу же поражала невероятно красивое лицо бога-жизни, с тонкими, почти женскими чертами. Его серебряные волосы мягкой струей спускались до пола. Руками своими он словно пытался обнять своих детей – фаршада и министров. Золотые зрачки его глаз завораживали, околдовывали смотрящего. Созданное руками гениального мастера, его лицо застыло в одном из своих неизменных, чарующих выражений. Говорят, что сам Аша остался настолько доволен портретом, что наложил на трон свою волшебную защиту, и именно поэтому он и простоял невредимым столько тысячелетий.

По обе стороны трона горели две лампы, освещавшие стройные статуи министров и красивое лицо Аши, которое, толи от богатого воображения и тревоги детей, толи от неверного желтоватого света ламп казалось строгим, даже суровым, будто Аша вот-вот пригрозит им пальцем: «Как вам не стыдно врать?!». ШахитреХана набралась смелости и шагнула в тронный зал, схватив брата за рукав пижамы и потянув за собой. Эсси стоял словно вкопанный, и на вопросительный взгляд сестры сказал тихим шепотом:

– Я не пойду. Я боюсь. Вон как *он* на нас смотрит! – и кивнул головой в сторону Аши.

ЭссерджиХана почему-то не хотел произносить имя божества.

– Глупости! – возразила Шахи, – Это же всего лишь статуя. Пойдем же! – и с двойной силой дернув брата за рукав, она заставила его войти.

Но, подойдя к светильникам, она и сама заробела. Тут не только бог Аша, но и министры смотрели на них свысока неодобрительно, точно живые – того и глядишь – схватят за руку. И Шахи, скорее всего, бросила это дело, показавшееся сейчас таким глупым и страшным, и вернулась бы в спальню, да только не хотелось ей перед братом трусишкой выглядеть. Собрав всю

свою смелость, она поднесла свои лампы к огню дрожащими руками и зажгла их. Тем временем Эсси распутал простыню. Все было готово для действия.

На всякий случай, ШахиштрёХана отправила сама себя на разведку, и вернулась донельзя возбужденной – по коридору к тронному залу зачем-то шел отец, а в существовании призраков требовалось убедить в первую очередь его, и значит, нужно было действовать. Но тут, в самый неподходящий момент, Эсси снова испугался – в свете еще двух ламп Аша казался гораздо страшнее и строже.

– А может просто расскажем?

– Да ну тебя, сразу струсил! Если не получится – вот тогда и расскажем.

Она взяла лампу и накинула простыню. Брату ничего не оставалось, как последовать за ней, но на сердце у него было беспокойно.

У самого выхода Шахи затянула «У-у-у-у-у-у-у» на мотив шуточной уличной песенки. ЭссерджиХана едва не рассмеялся, но вся веселость мигом слетела, когда он увидел лицо отца. С ним стояли два стрелка, а ещё Яжджан и Шрида с заплаканными глазами.

«У-у-у-у-у-у-у», тянула неунывающая ШахиштрёХана медленно плывя вперед, а принц, заглядевшись на кормилицу внезапно споткнулся о край волочащейся простыни и полетел на пол.

Шрида вскрикнула и кинулась вперед, и тут только он заметил, что выпустил из рук лампу, и горящее масло пролилось на простыню. Но не успел он даже как следует испугаться, как Шахи сдернула с него горящую ткань, а кормилица подхватила на руки.

– Та-ак, – сказал отец, и голос его был более сердит, чем даже вчера, когда они сломали куклу.

– Фаршад-аджар, – опять запричитала Шрида. Она снова и снова была готова защищать своих питомцев, тем более что отмена свадьбы и так казалась самым ужасным наказанием на свете.

– Тихо, – Узтакуштами поднял руки, призывая к вниманию, – Ты хочешь что-то сказать, ШахиштрёХана?

– Держу ответ⁵, – с церемониальной фразой принцесса поклонилась. Она выглядела смешно и мило, с растрепанными золотыми кудрями и раскрасневшимся личиком, но никто и не думал смеяться. – Это я виновата, фаршад-аджар. Шрида и Яжджан наказаны неправильно, потому что... КУКЛУ-РАЗБИЛА-ВЧЕРА-Я. – Закончила она на одном дыхании. – И это меня нужно наказать... – добавила она уже не так уверенно, и вопросительно посмотрела на брата.

– И меня! – ЭссерджиХана выпутался из объятий кормилицы и тоже шагнул вперед, – держу ответ.

Фаршад внимательно смотрел на детей. Умелые и изобретательные, но, в конце концов, честные и любящие – именно такими он и хотел их воспитать.

– Я знал, Шахиштрё, что куклу разбили вы с братом, потому что фаршад всегда все знает.

– Тогда почему... – начала было Шахи, но запнулась.

– Потому что честность – одно из главнейших черт правителя, и я ждал, когда мои дети сами признаются в содеянном. Тот, кто позволит, чтобы за его преступление был наказан другой человек, не достоин того, чтобы занять трон и управлять людьми. Теперь, когда вы признались, я отменяю наказание Шриды и Яжджана. Теперь ничто не будет препятствовать вашему браку, – жених и невеста счастливо улыбнулись и обнялись даже при стольких свидетелях – так велико было их счастье. Глядя на них, улыбнулись и дети, довольные, что все прошло так мирно и гладко. Фаршад продолжал, снова обращаясь к своим детям. – Что ж, вы сами про-

⁵ *Держу ответ* – фраза аналогичная «не вели казнить, вели слово молвить», используется для выражения почтительной вины перед монархом.

силы о наказании. ШахитрѐХана, с завтрашнего дня тебе не позволено будет неделю выходить в оружейный двор или звать Яжджана к себе, а ты, ЭссерджиХана, будешь неделю обходиться без своей кормилицы. Это мягкое наказание, по сравнению с вашей виной, но если бы вы сразу рассказали правду, оно было бы еще мягче.

Близнецы переглянулись. Они не знали, что делать: радоваться за кормилицу с охранником или грустить о наказании...

– Этой недели, – Узтакуштами положил руки на плечи Шриде и ее нареченному, – вам должно хватить для приготовлений к свадьбе. Я распорядюсь, чтобы вам всячески помогли. А ровно через 10 дней справим свадьбу. Да наградит Аша всеми благами этот союз.

С этими словами фаршад развернулся и пошел прочь из зала, за ним посеменил подпрыгивая старый рѐх...

Глава 4

Ахтыгад

Как и сказал фаршад, неделю близнецы не видели ни Шриду, ни Яжджана. Если Эсси понял это сразу и сразу расстроился, то Шахи не теряла надежды тайком проскользнуть в оружейный двор, чтобы увидеться со своим кумиром. Признаться, однажды ей это даже удалось, но Яжджана там не оказалось. Можете себе представить, как расстроилась принцесса! Кормилицы так же не было в замке – они с Яжджаном готовились к свадьбе. Малыши не имели представления о том, что у кормилицы или у охранника может быть свой дом – они всегда жили в замке. Но не только свой дом, но и своя родня была у обоих. Всю неделю велись приготовления к свадьбе, и это отразилось и на жизни в замке. Хоть распорядок дня близнецов и фаршада не изменился, зато прислуга и охрана прибывала в небывалом оживлении. Говорили о выборе платья, о том, что непременно нужно будет раздобыть цветы, чтобы украсить зал, о кушаньях, о гостях, о музыке – да и о многом еще, о чем можно говорить в преддверьях свадьбы.

Близнецам казалось, что неделя – это слишком много, а взрослым – что слишком мало. Однако, таково было распоряжение фаршада, а значит, к назначенному дню все должно быть готово.

И вот, этот день пришел.

Принц и принцесса с нетерпением ждали этого дня, и даже за час вышли во двор, чтобы встречать венчающихся. Утро было особенно морозным, даже учитывая то, что к морозам на этом острове привыкли. На Тонхоре зима занимала большую часть года, шесть из десяти месяцев. Сейчас была середина зимы, и вокруг замка лежало много белого снега, сверкающего на солнце миллионами звездочек. Точно так же сверкало платье невесты. Такое же белое, как и полагалось в месяц белой луны, оно было все украшено золотом: края многочисленных юбок в золотой тесьме, банты с длинными золотыми лентами, золотой нитью вышит узор по лифу. Изящно спадал с плеч белый плащ, окаймленный таким же белым пушистым мехом. И шапочка с меховой опушкой.

Яжджан, красавец-воин, был одет в бело-золотой мундир, по покрою напоминавший военный. С пагонов свисали длинные золотые кисти. Плащ так же был подбит теплым белым мехом, только покрой был мужской, и брошь застегивалась на плече. На поясе сверкал неизменный атрибут военного – сабля.

Яжджан поддерживал свою невесту под руку, входя во дворец, и выглядел самым счастливым человеком на свете, впрочем, как и Шрида. Красивой процессией проследовали они в зал для приемов, где уже находился фаршад и ашахады. Все были одеты празднично, а зал был украшен цветами – и где их только нашли в такое время года? Фаршад не пожалел средств на этот праздник.

Все расступились, давая дорогу жениху и невесте. Шрида и Яжджан отпустили руки друг друга и пошли, описывая круг, к противоположным стенам зала. Тем временем от толпы приглашенных отделились двое: актеры, играющие жениха и невесту. Мужчина шел со стороны двери, а женщина с противоположной стороны, и шли они на встречу друг другу. Встретившись, они взялись за руки и подняли их над головой, демонстрируя собравшимся свой союз. Яжджан-Рё и Шрида-Рё поздравили всех с праздником и пожелали жениху и невесте все, что принято желать в день свадьбы. Затем они снова вернулись в круг зрителей, уже держась за руки, и настала очередь настоящих жениха и невесты. Они пошли на встречу друг к другу, и, встретившись посередине зала, соединили руки. Раздались рукоплескания, а когда они стихли, к молодоженам подошел фаршад, которого сопровождали его дети, Эсси и Шахи.

Узтакуштами поздравил Шриду и Яжджана и пожелал им всего самого лучшего, преподнеся свадебные подарки, которые несли близнецы. Его примеру последовали и все остальные. Затем был свадебный танец новобрачных, и все поразились тому, как слаженно танцуют они, какие сложные фигуры выполняют.

После официальной части все проследовали в зал для пиршеств, где жениху и невесте были отведены самые почетные места – по левую руку фаршада, а по правую руку от него сели королевские близнецы. Музыканты заиграли веселую мелодию, а певец запел шуточную песню о семейной жизни известных комических персонажей, очень популярных во фрэнхайнше героев многих театральных постановок Мэджин и Рэйстан. На столе стояло столько диковинных кушаний, сколько малыши не видели за всю свою жизнь. Все веселились и смеялись, пили и ели вдоволь, и под вековым потолком не умолкал веселый смех.

Вдруг двери отворились, и в зал вбежал человек. Он был невысок, прям и тощ. В руках он держал свиток. Человек спешно, почти бегом зашагал прямо к фаршаду. Он почтительно поклонился и с тревогой в голосе сказал:

– Плохие новости, фаршад-аджар!

В зале воцарилась тишина, и все вопросительно смотрели то на фаршада, то на незваного гостя.

– Ты нашел самое неудачное время для плохих новостей. Сегодня у нас праздник, – сказал фаршад, ставя чашу с пенным напитком на стол.

Человек низко склонился, и так и застыл, показывая этим, что его известие важное и ожидая либо разрешения фаршада продолжать, либо приказания удалиться. Фаршад нахмурил брови, увидев, что эта плохая новость еще и важная, и разрешил продолжать.

– Мы получили донесение от капитана «Фиерии», – он положил свиток перед фаршадом. – Линейный корабль «Свехштшина» был захвачен пиратами!

– Не может быть! – фаршад даже привстал немного, но снова сел. – Это же один из самых сильных кораблей нашего флота. Неужели ятху построили корабль такой мощи?

– Никак нет, фаршад-аджар! Пираты не были ятху. Это люди из Нижнего Мира!

По залу прокатился недоверчивый шепоток.

– Продолжай, – угрюмо произнес фаршад. Он не мог поверить в только что услышанное. Нет, здесь, должно быть, какая-то ошибка...

– «Фиерия» нашла «Свехштшину», дрейфующую в небе. Корабль был сильно поврежден, и «Фиерия» поспешила на помощь. Палуба линейного корабля была усыпана трупами – вся команда, сто двадцать человек – была убита. А на верхушке главной мачты был привязан капитан. К счастью, он был еще жив, но... – человек поморщился, но заставил себя это произнести, – но был обрит наголо.

По залу прокатился гневный шепот, а человек продолжал:

– Капитан «Свехштшины» рассказал, что произошло. За три дня перед тем, как их нашли, впередсмотрящий сообщил, что видит пиратский флаг. Они, конечно, атаковали врага, тем более, что, по словам капитана, на пиратском корабле было не больше пятидесяти пушек. Но корабль был словно заколдован. Он мог менять высоту, и был очень быстр и маневрен. Похоже, ни один снаряд «Свехштшины» не попал по нему. Зато пираты стреляли метко. Их бомба попала в пороховой отсек, и полкорабля взлетело на воздух. Пираты подошли вплотную и дали залп картечью – выкосили две трети команды. А потом взяли на abordаж. Капитан говорит – все до одного черноволосые, и дерутся как демоны. Его одного оставили в живых, только для того, чтобы он рассказал, кто их победил – капитан Агат с «Черного Дракона». Всё, – он почтительно поклонился.

В фаршаде гнев мешался с недоумением: *как человек из Нижнего Мира, простолюдин посмел... Да нет, как он вообще смог подняться в воздух?!*

– Так значит, он хотел, чтобы мы о нем узнали?! Неслыханная наглость! Другой бы на его месте удирал поджав хвост, да чтобы никто не узнал, что это он виновник... Ах наглец! Поймать его! Живым или мертвым привести ко мне!

– А зачем он это сделал с капитаном... Ну, с его волосами, – спросил кто-то из гостей.

– Потому, что он ненавидит всех «златовласок», как он выразился, и говорит, что всех нас уничтожит.

В воздухе повисла тишина. Не то, чтобы все действительно поверили, что Агату это удастся – подумаешь, простолюдин какой-то, нет, просто это было очень странно. Тишину нарушил королевский шут, Шиздря:

– Как-как его зовут? А-Гат? Ну и гад этот А-гад! Кто сегодня всем не рад – А-а-а, конечно это Гад! Кто пират всем распират? Это как всегда А-Гад! Ну и имечко – вот умора! Вы представьте только, как родители его не любили, что называли А-гадом! Он как только посмотрели на него, сразу поняли – будет гад! Так и называли! Готов поспорить, что это даже не полное его имя! Наверняка это сокращение от Ах-ты-гад! А может быть оно и длиннее, например Ах-ты-гад-съел-шоколад или Ах-ты-гад-нагадил-на-ковёр...

Все рассмеялись – очень уж комично кривлялся и строил рожи Шиздря. Ко всем вернулось весёлое настроение и праздник был спасён. А черноволосого пирата с тех пор стали называть не иначе, как Ахтыгад или коротко – Гад. Но у фаршада осталось неприятное предчувствие, и он приказал изловить пирата любыми средствами в кратчайшие сроки. И за голову его назначил небывалую награду.

Глава 5

О кораблях и пиратах

– Эй, там, освободить кнехты⁶!

На палубах суетилось множество матросов, каждый из которых выполнял какое-то свое дело. Боцман усиленно жестикулировал и в промежутках между распоряжениями по посадке, кричал в сторону, обращаясь к толпе встречающих на площади, стараясь разогнать их. Это последнее дело казалось до того безнадежным, что даже матросы иногда пытались ему помочь, выкрикивая что-то вроде: «Раздавим же! Посторонись!».

– Баста! Отдать швартовы!

Красавец-фрегат, подобно большой белой птице медленно влетел на пристань, едва не касаясь её дном. Было видно, что корабль перегружен, иначе парил бы на высоте нескольких метров над землёй. Крепкими канатами притянули галеон к кнехтам и надежно зафиксировали – теперь не улетит. Выбросив веревочные лестницы, матросы спустились на берег к ликующей толпе. И не было на ней ни одного человека, чье сердце не сжалось бы сладко от взгляда на эту игрушку ветра, обретшую наконец родной берег. И будь то богатый шарх или тощий портовый мальчишка, родственники или друзья матросов или просто случайно проходящие мимо люди, все дружно приветствовали «Корону», окончившую свой первый полёт в Нижний Мир.

Не были исключением и золотые близнецы, которые до этого прятались среди ящиков и мотков каната. ШахштрёХана, корабли для которой были излюбленными игрушками, не могла пропустить приветствие корабля-героя. Брат, неизменный участник всех ее планов, еще утром пробрался вместе с ней на причал и теперь, широко раскрыв глаза, смотрел на трепещущие белые паруса. Что могло сравниться по красоте и величию с победительницей «Коронной»?..

Прижав руки к груди, принц впитывал в себя это синее небо, слепящее солнце, радостные крики людей – знакомых и незнакомых, ветер, развивающий паруса и разметавший золотистые локоны. А когда «Корона» пришвартовалась, и с нее хлынул поток людей, повернулся и с восхищением сказал сестре:

– Когда-нибудь я полечу на таком же корабле, далеко-далеко, туда где еще никто не бывал.

– И я! – она не могла остаться в стороне, с самого раннего детства корабли были самой большой мечтой её и страстью, – я буду управлять таким кораблем! И, – никто не сомневался, что она это скажет, – выиграю в войне и разгоню всех шахринцев по домам!

– Хороший план, рядовой, – раздался из-за спины голос Яжджана, незаметно подкравшегося сзади.

Они подпрыгнули от неожиданности и тут же смущенно покраснели. Их, так сказать, застукали на месте преступления, ведь в это время близнецам нужно было находиться не здесь, а на занятиях. Они очень просили отпустить их посмотреть на возвращение «Короны», но, увы, учителя и отец были непреклонны. Поэтому, ничего другого не оставалось, как сбежать тайком сюда, прогуляв урок астрономии и верховую езду.

– Мы просто хотели увидеть «Корону», – решительно заявила ШахштрёХана. – Это несправедливо было нас не пускать!

– Приказы не обсуждаются! – отрезал солдат.

⁶ Кнехты – тумбы для крепления швартовых или буксирных концов.

Шахи хотела было возмутиться, но Эсси придержал её за руку и сказал спокойно:

– Ты ведь знаешь, отец хочет, чтобы мы учились новому, Яжджан. И он не станет ругать нас за тягу к новым знаниям. И раз уж мы так хотим узнать о кораблях, было бы разумно превратить эту вылазку в познавательный урок и научить нас азам судоходства. Ты согласен?

Яжджан оторопел. Этот пятилетний мальчишка говорил убедительнее и разумнее, чем некоторые взрослые. Он задумчиво покрутил ус, но возражений так и не нашёл.

– Звучит и правда разумно... А знаете что? Пожалуй лучшим уроком будет полёт на настоящем корабле! Что скажите?

– Ура!!! – в один голос радостно закричали близнецы.

– Неужели на «Короне»?

– Ну зачем на «Короне»? Ей сейчас в доки стать, на ремонт. А вам подберут суденышко поспокойнее. Пойдёмте-ка к коменданту портовых служб.

Взявшись за руки, они нырнули в лабиринт портовых зданий. А через час уже подходили к своему кораблю. Маленький люггер⁷ «Храброе сердце» приветливо покачивал низкими бортами, словно приглашая подняться на него; его капитан был счастлив видеть своими пассажирами наследников Фрэнхайнша, золотых близнецов. Как, пожалуй, и всякий капитан, любящий свой корабль, он не переставал уверять, что его «Сердце» – лучшее судно не только на Четырёхстах островах, но и вообще во всем мире в любую эпоху не нашлось бы корабля лучше.

Близнецы, впервые в своей жизни ступившие на палубу, надраенную до блеска, впервые поднимаясь в воздух, были готовы с ним согласиться. Трепет белых парусов, свист ветра в снастях и это голубое, бескрайнее небо, окружавшее их корабль со всех сторон – все это было настолько непередаваемо прекрасно, настолько захватывающе, что даже в своих мечтах и играх в воздухоплателей, близнецы никогда не могли себе представить нечто, хоть отдаленно похожее на ощущение от настоящего полета. А в бурном детском воображении, украшавшем все, что видели они, люггер «Сердце» казался сказочным кораблем, лучше которого не сыскать на всём белом свете. И не смотря на то, что Шахитрехана и ЭссерджиХана были совсем разными, и обычно по-разному воспринимали происходящее, в этот раз, казалось, между ними не было никакого различия: одинаковое впечатление произвел на них первый полет на корабле, совсем одинаково хлопали они своими огромными зелеными глазищами и в ответ на все вопросы капитана, как по сигналу, синхронно кивали головами, – и ни звука больше, чтобы не нарушить этот миг, чтобы не разбить случайно волшебную сказку.

«Влюбленные в небо», – так назвал малышом капитан, и эти слова были величайшей похвалой на флоте. Так называли людей, всей своей душой преданных небу и кораблям, которым воздушная стихия платит взаимностью, людям, избранных небом.

По просьбе Яжджана капитан рассказывал близнецам о строении корабля, о парусах, которые ловят ветер и гхерпшинии, который держит корабль в воздухе. Летучий минерал гхерпшиний был спрятан под палубой, крепко-накрепко прикреплен к днищу корабля.

– И что, этот камушек удерживает такой огромный корабль в воздухе? – изумился ЭссерджиХана, увидев его своими глазами.

– «Камушек»! Да он с тебя размером! – возмутился капитан.

– Так я же не могу поднять такой большой корабль!

– Ха-ха! Ну да. Наш корабль весит 10 тонн и это как раз необходимый объем гхерпшиния, чтобы держать корабль примерно на уровне островов. Пустой корабль, конечно взлетает выше, чем грузёный.

– А почему он летает? – заинтересовался Эсси.

– Благословением и милостью Аши, – непонятно ответил капитан. Эта фраза звучала так часто, о любых благоприятных обстоятельствах, что потеряла свой прямой смысл. Капитан

⁷ Люггер – быстроходное двухмачтовое судно.

и сам это почувствовал и уточнил, – В истории говорится, что Аша благословил этот минерал и с его помощью поднял в небо острова со своими потомками, чтобы отделить их от черноволосых простолюдинов.

– А он всё что угодно может поднять? – задала вопрос Шахи.

– Да, конечно. Вот видишь, пояс на мне? Пряжка из гхерпшиния сделана. Если я за борт выпаду, то не разобьюсь, а буду парить рядом с кораблём.

– А можно потрогать?

Капитан снял пояс и протянул Шахи. Едва взяв пояс в руки, она вдруг взлетела к потолку трюма и упёрлась в него.

– Ю-ху! Я лечу! – веселилась принцесса.

– Многовато для тебя! Он же на мой вес рассчитан, – добродушно рассмеялся капитан.

Он бережно стянул Шахи вниз, а затем забрал свой пояс.

– А что происходит с гхерпшинием, если корабль разбивается? – спросил Эсси.

– Без груза он легко поднимается вверх, высоко-высоко на 20 ги над землёй. А мы сейчас в 10 ги над землёй. Вот и считайте.

– Так его что, потом не достать?

– Достать не легко, но можно. Этим занимаются ловцы за гхерпшинием.

– А как они это делают? Как поднимаются так высоко? – глаза маленького принца горели любознательностью.

– На гхерпшиние, конечно! Но подробностей я не знаю. Знаю только, что работёнка эта не из лёгких. Там наверху – холод страшный и дышать тяжело. Зато и доход огромный – летучие камни дороже золота ценятся.

– Кстати, «Корона», на которую вы смотрели, спускалась на землю по технологии ловцов за гхерпшинием, – добавил Яжджан. – Там летучий камень не в трюме, а прикреплен канатами к механизму на корабле. Канат разматывают – судно спускается, сматывают – поднимается. Понимаете теперь, почему Ваш батюшка не одобряет этой затеи?

– Не понимаю! – упрямо тряхнула чёлкой Шахи. – Если наши корабли научатся менять высоту – у нас перед всеми шахринцами будет преимущество! Подлетели сверху – горячей смолой облили, подлетели снизу – бах! по трюму – гхерпшиний наш, а их корабль полетел вниз!

– Да нет же! – возразил Яжджан. – Как ты не понимаешь! Невозможно эту технологию в бою применить! Уязвима она слишком!

– Канаты! – догадался ЭссерджиХана. – Если перебить канаты, то вниз полетит не их корабль, а наш...

– То-то и оно, – подтвердил Яжджан. – Так разве только воду возить снизу можно.

– «Корона» из гордого галеона превратилась в водовоза... – задумчиво произнёс Эсси. – Мне бы было обидно на её месте...

– Вот-вот, – Яжджан кивнул. – Использовать такое великолепное творение инженерной мысли для того, с чем справится простая бочка!

При всей своей любви к принцессе, он не мог не признать, что её брат был вдумчивее, умнее и дальновиднее сестры. Урок был окончен, но интерес близнецов к кораблям ничуть не пропал. Устроившись поудобнее на верхней палубе, где ветер игриво развивал волосы, они засыпали капитана множеством вопросов, а капитан, в свою очередь, рад был найти благодарных слушателей и рассказывал обо всех радостях и бедах небес.

Вырастали ураганы, гремели грозы, бились темные облака о вершины островов. Где-то вдалеке проходили военные суда шахринцев и маленькая принцесса воинственно сжимала кулаки. Но потом наступал рассвет, или расцветала радуга после дождя, или выплывал из тумана остров цветов, драгоценный Шан. И ЭссерджиХана, впитывающий каждое слово, как губка капли воды, улыбался, а его сестра успокаивалась.

Говорил он и о Брихве, 400-ом острове, который шахринцы называют Бриге и считают своим. В нем проходит одна из Колонн, соединяющая Небесные Острова с Нижним Миром, и на его огромных базарах собираются представители всех народов и всех стран. Там даже продают свои изделия люди из Нижнего Мира. Но небо вокруг Брихве беспокойно, и только самые отчаянные купцы, в погоне за дорогим товаром, решаются лететь на него. Желанный остров для обоих величайших империй: Империи Четырёхсот Островов и Империи Парящего Змея – страдает от их бесконечных схваток. Испокон веков гоняют друг дружку две империи, как две драчливые сороки и торговые корабли заходят в порт под прицелом множества орудий.

Но больше всего историй было связано с пиратами.

Про пиратов с Ятху говорилось мало, хоть пару лет назад это были единственные пираты во всем небе. Теперь же появился не человек – демон (так говорили), который сразу же стал легендой, которого боялись все суда любой империи, отправлявшиеся в небо.

Чёрный пират из Нижнего Мира, которому удалось захватить летающий корабль, был непобедим. На островах его все называли А-гад, но сам себя он звал Агат и под этим именем намеревался войти в историю. И надо сказать, что если он останется неуловимым еще лет 10, ему это удастся. Еще не одного боя не проиграла его команда, они были беспощадны к кораблю под любым флагом и люто ненавидели золотоволосых. Говорили, что он заключил договор с темными силами и стал непобедим на 30 лет. Говорили, что он отдал Чаштару свое сердце и стал каменным внутри. Говорили, что он вылепил свою команду из земли и к каждому привязал веревку, чтобы лично руководить боем. Наконец, говорили, что он ест людей.

Но несмотря на гротескность своего образа, А-гад был личностью вполне реальной. Часть историй о себе он сам же и придумал, остальные распустила не менее реальная чем он, команда. За его судно, «Черный Дракон» фаршад назначил премию в 4000000 золотых, а за голову самого пирата вдвое больше, но пока не нашлось смельчака, который решился бы бросить вызов. А те, кому посчастливилось повстречаться с Агатом и остаться в живых, не могли не признать, что он дьявольски красив, не только для простолюдинов, но и для ашаджинов и никто, даже маршалы великих империй, не владеет мечом лучше него.

– Вот вырасту... – мечтательно протянула ШахиштрёХана, – построю свой корабль, и тогда он у меня получит!

Капитан улыбнулся в ответ. Сам он, в глубине души, хотел хоть раз увидеть на горизонте черные паруса А-гада.

– Ты же хотела бить шахринцев! – не замедлил напомнить ей брат. Ему и самому после рассказов старого капитана захотелось построить корабль и рассекать на нем облака, только в отличие от сестры история с пиратом его совсем не заинтересовала. Кому нужны эти битвы и опасности, если можно просто мчаться вперед, и стоя на мостике отдавать приказы: «Лево руля! Трави канат!», когда ветер бьет в лицо, а под ногами бездна.

– А потом я его поймаю, но казнить не стану, – продолжала тем временем развивать свою мысль принцесса, – я ему объясню, что наш враг – Шахрин, и мы вместе разобьем драконий флот и наступит мир. И может быть, я даже выйду за него замуж... – при этих словах Шахи хитро покосилась в сторону брата.

– Подумаешь... – протянул Эсси, – может он и не захочет на тебе жениться.

В последнее время Эсси обзавёлся новым аргументом в этом странном споре. Пусть у него не может быть мужа, но зато и у Шахи не обязательно будет то, чем она грозит.

– ЗахОчет, захОчет, непременно захОчет, – топала ногой принцесса, а старый капитан мечтательно улыбался, глядя вдаль.

– А вот и нет!

– А вот и да!

Подскочив, они побежали по палубе, оставив рассказчика одного. Не то, чтобы им опять хотелось подраться, но и усидеть на месте в их возрасте было совершенно невозможно, тем

более, когда вокруг было бескрайнее небо и свежий ветер, а кровь все еще кипела после красочных рассказов о далеких островах и пиратах. Яджан, отлепившись от фальшборта⁸, присел рядом с капитаном и протянул ему табак. Тот кивнул, не отрывая взгляда от горизонта.

– Вот это дети! Порох, а не дети!

– Я был в небе, когда они родились, – задумчиво проговорил капитан, – но праздничный фейерверк над Тонхором был виден на сотни миль. И вот, что я скажу, они стоили того фейерверка.

– Они гораздо больше стоят. Вот погоди, увидим мы еще Золотой Век.

– Хорошо бы, – рассеянно отвечал его собеседник, вдыхая дым.

Уже стоя на пристани и глядя на покачивающееся «Сердце» снизу вверх они были необыкновенно тихи. ЭссерджиХана вспоминал ветер, обнимавший его, словно руки кормилицы и квадраты земли глубоко внизу. А Шахи думала об Агате, о пиратском судне с черными парусами и мечтала поскорее вырасти.

⁸ *Фальшборт* – легкое ограждение открытой палубы.

Глава 6

Плавание

«Донос от г-на Шотшэйна, – небрежно пробежал по строчкам глазами фаршад. Пелена настойчивого сна застилала глаза, несмотря на все попытки сосредоточиться. – Сообщаю, что моя жена, Акшир-шархи, подозревается в военном шпионаже в пользу империи Аарин, поскольку неоднократно была замечена мной в связях с неким офицером. Судя по его форме и длине усов, смею утверждать, что он ааринец и находится здесь с единственно возможной преступной целью...»

– Сколько можно! Фару Аша! – воскликнул фаршад, швыряя свиток к остальным, не дочитав до конца. – Семнадцатый донос от этого Шотшейна! Когда они уже с женой научатся решать свои семейные дела и не путать их с государственными?.. «По длине усов» – чушь какая! Надо бы установить наказание за необоснованные и ложные доносы, тогда бы мне сразу работы поубавилось... – фаршад зевнул еще раз и закрыл сонные глаза. Вьющиеся золотые волосы упали на лицо, в них и в такой же золотой бородке, завитой кольцами и аккуратно остриженной, уже появлялись серебряные ниточки – отпечаток многих прожитых лет. И все же локоны его, казалось, были вылиты из того же золота, что и толстые цепочки на его шее, браслеты и перстни на руках и вышитые узоры на его длинной, пышной одежде.

Повелитель Фрэнхайнша дремал в мягком и удобном кресле. Обитое самой дорогой и красивой материей с густыми ворсинками, оно всегда погружало повелителя в сон в часы, предназначенные государственным делам, и ему нравилось это свойство.

Перед ним стоял низкий столик с массивными ножками, на которых красовались грубоватые узоры. На темном бархате скатерти, покрывающей стол, в беспорядке лежали желтоватые свитки. Некоторые из них были развернуты и исписаны замысловатыми палочками и крючками, другие – свернуты и перевязаны алой лентой. Почти на каждой такой ленте красовалась печать черного или бардового воска, изображавшая дерево, пронзающее три слоя облаков. Такая же эмблема была и на перстне фаршада, и, на гобелене за тронном. Да, это был герб, древний герб династии Шатши, а теперь и самого Фрэнхайнша, которым эта династия правила. В свитках, перевязанных красной лентой содержались законы, ожидающие одобрения или порицания, приговоры, которые нужно было подписать, а в обычных свитках – свернутых и развернутых – многочисленные доносы и жалобы, в которых требовалось самостоятельно отыскать крупицу истины. Работа не из легких. Конечно, напиток укшон, который делался из настойки травы ченг и листьев дерева ирджу, помогал фаршаду концентрироваться на государственных делах и бодрил. Но не зря говорили, что злоупотребление укшоном плохо сказывается на зрении и может вызвать сердечные заболевания, а орех эгон, который добавляли в напиток в размельченном виде для придачи кисловатой терпкости, которая так нравилась фаршаду, мог плохо сказаться на работе желудка. Но фаршад не обращал внимания на докучливые советы врачей, продолжая поддерживать свои силы и бодрость этим напитком, который и сейчас стоял на столе, среди государственных бумаг. И в последнее время ему требовалось все больше укшона, потому что и он уже не всегда помогал. Бесчисленные законы, дипломатические проблемы, решение которых всецело лежало на нем – все это утомляло фаршада – изо дня в день одно и то же.

По его приказу тяжелые пурпурные занавески на окнах были плотно закрыты, а слабый свет, проходящий через них, окрашивал тронный зал в красноватые оттенки. Окна тронного зала выходили на солнечную сторону, и каждый день в ясную погоду, солнце до полудня пыталось сюда пробиться. Но яркий свет резал уже не молодые глаза фаршада, а может быть, это

сказывалось действие укшона. Так или иначе, сон фаршада ничто не нарушало... Как вдруг дверь без стука распахнулась и с криками «Беда! Беда!» в тронный зал вбежал первый министр. Только ему была позволена такая вольность – в экстренных ситуациях врываться вот так, без стука, в святая святых замка.

Только-только задремавший повелитель с трудом открыл тяжёлые веки и не успел он рот открыть, чтобы прогнать так некстати ворвавшегося надоедливого министра, как услышал:

– Принцесса тонет!

– Где тонет?.. – не понял фаршад. На их острове ведь не было природных водоёмов, если не считать ручьёв по-весне, а считать их не стоит, ибо в них не поплаваешь...

– В водохранилище! Её увидели со смотровой башни. Я уже отправил людей спасать Её Высочество, но путь не близкий – успеют ли – не знаю!

Дремота рассеялась в мгновение ока от такой новости, словно на фаршада вылили ведро ледяной воды.

– На каком водохранилище?! Она же должна быть на занятиях!

– Сегодня Её Высочество не изволили явиться на занятия!

– А ЭссерджиХана?! Где её брат?!

– Его тоже не было на уроках. Фаршад-аджар!

Не трудно представить, весь тот ужас, который испытывал Узтакуштами, услышав, что его любимая доченька быть может в этот самый момент растаётся с жизнью! Позвольте же нашему повествованию оставить его в этом неопределённом состоянии и перенестись в то самое утро, но двумя часами ранее, когда всё начиналось...

А утро это обещало быть вполне приятным, особенно для Эсси, ведь оно начиналось с урока истории. А надо сказать, что история – была одним из тех предметов, на которые близнецы, а в особенности же ЭссерджиХана, ходили с удовольствием. И во многом это было благодаря умению их учителя рассказывать интересно и увлекательно. Для королевских близнецов, конечно, пригласили лучших учителей по всем предметам, но, как водится, к чему лежит душа – то и учится с удовольствием, а «бесполезная белеберда», как Шахи окрестила нелюбимые предметы – пролетала мимо белокурых головок, вопреки всем ухищрениям педагогов.

Эсси радостно шел на историю, однако на полпути, в безлюдном коридоре, Шахи вдруг остановила его:

– Есть разговор.

– Ну что еще? Мы же опоздаем! – возмутился Эсси, который не хотел пропускать свой любимый урок, тем более что такое поведение сестры пахивало очередной авантюрой.

– Мы не пойдём на уроки. Есть идея получше, – заявила она с заговорщическим видом, – Мы пойдём на водохранилище!

– Ну что я там забыл? – упирался Эсси.

– Мы будем учиться плавать! Здорово, правда! Вода как раз нагрелась уже! – и его сестра аж подпрыгнула от предвкушения.

– Что за глупости? Как? А главное – зачем?! У нас же негде плавать!

– А вдруг ты вырастишь и окажешься посреди океана?! Умение плавать тебе тогда жизнь спасёт!

– С чего я вдруг окажусь посреди океана?!

– Всякое может быть. Герой должен быть готов ко всему!

Эссерджи только закатил глаза, показывая, как ему всё это надоело, и молча пошёл дальше.

– Да стой же, тебе говорю! Ты что, не хочешь научиться плавать?!

– Представь себе – не хочу. Это так же бесполезно, как учиться... висеть вниз головой – вдруг злая колдунья подвесит за ноги над котлом!

– Если не хочешь учиться – пойдём со мной – будешь мне помогать.

– Шахи, я на уроки иду. И пропускать их не собираюсь.

Вот уже и дверь в класс.

– Ах так?! Ну тогда я сама пойду, а ты иди куда хочешь, хоть к Чаштаровой матери!

– Это ты об Асхаб? – голос учителя раздался внезапно, со спины.

Близнецы синхронно обернулись и действительно позади увидели учителя Эрджины. Уже немолодой, но всегда вдохновлённый, он был для них нескончаемым источником легенд, приданий и захватывающих историй.

– В смысле? – не поняла его вопрос Шахи.

– Ты говорила о Чаштаровой матери – Асхаб? – и видя замешательство принцессы, добавил с укоризной приподняв одну бровь. – Или же ты, да сохранил нас милость Аши от такого, просто грязно ругалась?..

– Нет-нет, что Вы! – стала оправдываться Шахи. – Я как раз говорила брату, что хочу послушать сегодня историю о Чаштаре и его матери, правда Эсси, – и принцесса ткнула брата локтем в бок. Эсси согнулся, что было воспринято как поклон в знак согласия.

– Тогда заходите в класс, я удовлетворю ваше любопытство, – хитро улыбнулся учитель.

Собиравшейся сбежать с урока ШахиштрёХане ничего иного не оставалось, как послушно войти в класс. Однако намерения она своего не оставила. Когда и ученики и учитель удобно расположились в своих мягких креслах, полных подушек, Эрджины на минутку прикрыл глаза, настраиваясь на повествование, как делал всегда, и когда он открыл их и заговорил, голос его приобрёл те завораживающие интонации, которые всегда заставляли его слушателей безмолвно внимать его рассказам, будь то дети или взрослые. А движения его рук зачаровывали, вместе с голосом перенося их в давно ушедшие времена.

– Мир не имеет начала и не имеет конца. Он представляет собой лишь вечный, неизменный цикл возрождения. Все в этом мире ограничено и конечно, поэтому не бывает рождений без смертей. Любое живое существо продлевает себе жизнь умерщвляя и поглощая другого. Это неотъемлемый и священный закон жизни. День пожирает ночь, но постарев и утратив силы, вновь порождает ночь и питает ее жизнь.

Жизнь питает только жизнь.

Великий Бог Аша, что означает «жизнь», – единственный во всем мире, кто никогда не испытывает голода и жажды, потому что испил бессмертной крови своей матери и съел плоть ее. Мать его звали Урдж, и была она матерью всего мира, ибо породила все сущее. Урдж была бессмертна, ибо была миром, временем и пространством. Аша впитал в себе ее бессмертную жизнь и сам стал бессмертным, и стали они с Урдж одним целым. Тогда Аша получил силу Двоих, и не было ему равных по могуществу.

Так стал Аша царём всего мира. Мира, который прежде был частью Урдж, но отделился от нее и обрел собственную жизнь.

Скучно стало Аше одному в безмерном потоке времени и обратил он свой взор на людей. Были они глупы и трусливы и вели между собой бессмысленные войны. Сжалился бог Аша над этими созданиями и решил управлять ими, чтобы научить мудрости и жизнь их привести к процветанию. И пришел Аша в мир людей, затмив собой всех королей. Никто не мог противиться ему, потому что не было равных ему ни по силе, ни по мудрости, ни по красоте. И стал Аша править людьми как царь и как бог, и прекратил он глупые войны, и научил людей ремеслам и труду, и дал им основы изящных искусств. Славно и долго было царствие Аши, и, казалось, не будет ему конца.

У царя-бога Аши был огромный гарем, полный красавиц со всех сторон света. Все жены любили его, потому что ни один мужчина не мог сравниться с ним ни красотой, ни силой, ни своими ласками. Главную его жену звали Асхаб, и была она признана самой красивой на всём белом свете. Асхаб была простой крестьянкой и жила в бедности и труде, пока Аша не увидел

ее и не привел в свой гарем. В этом гареме расцвела Асхаб как прекрасный цветок и забыла о прежней жизни. Стала она гордой и ревнивой и думала, что Аша будет любить ее вечно. Много лет прошло с тех пор. Асхаб родила царю сына и назвали они его Чаштар. Чаштар рос, Асхаб старела и теряла свою красоту. А вместе с красотой исчезала и любовь Аши, ибо все ее душевные качества сменились гордостью, ревностью и злобой.

Однажды, к царю приехал купец, утверждавший, что он привез прекраснейший цветок, достойный гарема великого бога. Тогда ему ответили, чтобы он хорошенько подумала, прежде чем дерзать судить об истинной красоте, потому что если царь останется недоволен, его сварят в кипящем масле. Но купца не остановил столь страшный приговор, и он продолжал настаивать, что никого прекраснее великий Аша не видел.

Купец был так настойчив, что Аша принял его, а тем временем начали уже в огромный котел наливать масло и разжигать огонь, потому что все были уверены, что нет в мире никого красивее Асхаб. Купец привел к царю человека в черном плаще. Складки плаща полностью скрывали фигуру, а из капюшона не видно было и кончика носа. «Это ли твой цветок?» – спросил Аша, и услышал в ответ: «Да, мой господин». И тут же плащ был сдернут купцом и упал на пол. Под плащом оказался юноша невероятной красоты. Глаза его были опущены, и от черных ресниц по щекам спускались длинные тени. Черные локоны ниспадали на плечи, оттеняя фарфоровую кожу. Чувственные губы были бледны. Увидев его, все присутствующие затаили дыхание и не могли отвести от юноши глаз. Царь щедро одарил купца и с тех пор стал неразлучен с Эйтэ, так звали юношу. Прошел месяц, другой, а Аша так больше и не посещал ни одну из своих жен. Разозлилась Асхаб и воспылала ненавистью к Эйтэ. Ревность её ослепляла глаза царицы и решила она, что околдовал он царя, и лишь смерть презренного юноши вернёт ей любовь мужа. Купила тогда она у колдуньи ядовитое зелье и добавила его напиток юноши. Тотчас упал он замертво на землю, лишь испил из кубка, поданного царицей. Невозможно себе представить, каким горем была для Аши смерть Эйтэ! И так велик был его гнев, что он не раздумывая снял с нее кожу живьем, и даже это не искупило ее вины в его глазах.

Но случилось так, что 10-летний сын Асхаб и Аши, Чаштар, возвращаясь с военной тренировки, увидел, как Аша убивает его мать. Ярость вскипела в юном полубоге, и он, выхватив меч, бросился на отца со спины и ранил его. Аша, видящий все, так ослеплен был гневом и горем, что не увидел юного царевича. Кровь из раны Аши попала на Чаштара и сделала его неуязвимым и бессмертным. Но все равно не мог он одолеть Ашу, как и Аша не мог окончательно его уничтожить. Однако раны, которые получил Чаштар в этой битве, были гораздо хуже смерти. После этого Чаштар поселился в пещере глубоко под землей, чтобы залечить свои раны. Он так возненавидел Ашу за убийство матери, что решил убить его во что бы то ни стало, даже если после этого разрушится мир, даже если небо упадет на него. И много лет провел он в этой пещере, набираясь сил, прежде чем решился вновь показаться на свет.

Горе Аши было безмерно. Он не мог больше находиться среди людей и править ими, поэтому он ушел от них, оставив своими наследниками двоих детей, мальчика и девочку, рожденных от других жен. Это были первые короли рода Шатши, которые впоследствии стали править Фрэнхаиншем.

Принц и принцесса сидели как замороженные. Учитель истории был доволен результатом. Закончив обещанный рассказ, он помолчал с минуту, но увидев, что его ученики ждут продолжения, улыбнулся и продолжал:

– Много прошло веков и много поколений сменилось с тех пор, как Аша покинул мир людей, прежде чем великая печаль начала утихать. Знал Аша, что не хочет больше править людьми, которые были столь злы и не послушны. Пускай сами они творят свой рок, пускай убивают друг друга и предают, – какое ему до этого дело! Но однажды скучно стало Аше, и он, обернувшись человеком, пошел в одну из людских деревень. Казалось ничто не изменилось там, все так же зазывали торговцы, стучали в по металлу кузнецы, а пахари под весёлые песни

собирали урожай. Аша смотрел по сторонам, отвлекая себя от тоски и горестных воспоминаний. Закончился светлый день и сменился темным, а люди сменили работу весельем. Но вот и песни да смех их утихли, то тут, то там гасли огни в домах. Всё погрузалось в умиротворенный сон, как вдруг услышал Аша женский голос, зовущий на помощь и призывающий его имя. То была девушка, на которую напали бандиты и хотели опорочить ее. Они были страшными людьми и все в округе боялись их и не смели вмешиваться, боязливо прячась за крепкими дверями своих домов. А девушка все кричала: «Аша, именем твоим заклинаю, спаси меня», и не мог бог отказать ее мольбам. «Отпустите ее» – велел им Аша, но негодяи не вняли его голосу, а, обнажив оружие, попытались умертвить самого источника жизни. Но бог жизни и смерти не дал им даже приблизиться к себе, и в мгновение ока сжег их взглядом своих золотых глаз. Тогда он увидел, что жертвой этих бандитов была молодая девушка, Ильмир, прекрасная, как сама жизнь, с волосами чернее ночного неба и глазами, яркими как звезды. Аша забрал девушку в свой дворец на той стороне мира. Много лет прожили они в радости, потому что была девушка нрава доброго и души прекрасной. Родила она ему сына и дочь, и отец не мог налюбоваться своими детьми. Ильмир состарилась и умерла на руках у Аши. Но любовь его к ней не ослабела ни капли. В ее честь Аша построил огромный храм на вершине горы, в который и поныне приходят люди, чтобы поклониться праху умершей жены его. Дети Ильмир основали свое государство, где стали королем и королевой, и назвали они его Аарин.

– Тот самый Шахрин?! – вырвалось у Шахиштрё. – С которым мы воюем?!

– Тот самый – подтвердил учитель Эрджини. – Со временем, стали возникать споры и раздоры между ними и родом Шатши. Сейчас уже доподлинно не известно, случилось ли это до того, как Аша поднял свих детей на островах, или после, но разногласия эти не утихают и по сей день.

– Так в чём же причина войн, учитель Эрджини, – спросила Шахиштрё. – Если и мы, и шахринцы – потомки Аши, в чём причина нашей вражды?

– В споре, чей род лучше – усмехнулся учитель. И было видно, что он понимает, сколь глупым был этот спор.

– А разве могут быть сомнения? Наш род древнее всех!

– Верно, – отвечал Эрджини. – Но род Ааринцев – потомки самой любимой жены Аши, хоть на наших землях и принято называть её не женой, а наложницей. И, нельзя забывать, что Ольре, записавший со слов Аши величайшие из книг – «Ашарихи», тоже был потомком Ильмир.

– Значит, никто из нас не хуже и не лучше?.. – спросил с сомнением Эсси. – Почему бы тогда просто не прекратить войну?

– Если бы всё было так просто... – вздохнул учитель. – Единственное, что может по настоящему, навсегда прекратить войну – объединение двух родов узами брака и общими потомками. Вот и ваш батюшка фаршад в юности сватался к Ааринской принцессе, да так ничего из это и не вышло. Может быть у вас получится примирить наши страны?..

– Как по мне, лучше их просто завоевать! – выпалила Шахи.

– Было бы это так легко – уже завоевали бы, – ответил Эсси. – Бессмысленная это война! Если для того, чтобы ее остановить, нужно жениться на ааринской принцессе, то я готов исполнить свой долг!

– Увы, мой дорогой, но принцесс нет. У императора 2 сына – Альриин и Лель. Так что этот долг исполнить скорее по силе вашей сестре.

– Мне?! За шахринца?! Ну уж нет! Да я даже их имена выговорить не могу!

– Поживём – увидим... – ответил учитель Эрджини.

Когда урок окончился, сразу стало ясно, что Шахи не забыла о своём сумасбродном плане. Оттащив Эсси в сторону, и оглядываясь по сторонам, чтобы их никто не подслушал, Шахи заявила решительно.

– Я иду на водохранилище! С тобой, или без тебя.

Эссерджи, зная сестру как себя самого, понимал, что если она что-то решила, то её не остановить. Ему совсем не хотелось тащиться в такую даль, по жаре, еще и от учителей снова влетит... Но и её отпускать одну нельзя. Эсси приходилось читать в книгах, что в глубокой воде можно утонуть, а глубина была там огромная!

– Ладно, ответил Эсси. – Я с тобой. Только в воду не полезу – сама плавать учись!

– Вот и славненько! – обрадовалась его сестра, и стала шёпотом излагать свой план.

Водоохранилище представляло собой огромную бочку, верхние края которой расходились в разные стороны, подобно блюдцу, чтобы собирать больше дождевой воды. К верху бочки вели лестница и лифт, который приводился в движение рабочими, когда нужно было поднять наверх воду, привезенную с других островов или из Нижнего мира. Когда близнецы поднялись наверх, они аж оторопели от открывающегося вида. Платформа, на которой они стояли, плавно переходила в воронку башни, а уровень воды был ниже края воронки.

– Ты точно собираешься туда лезть? Может ну его, ты посмотри как до воды далеко! И какая тут глубина! – пытался вразумить сестру Эсси, но она была непреклонна:

– Я решила научиться плавать и научусь. Настоящего героя трудности только вдохновляют!

– Шахи, мы тут одни. Оставь своё бахвальство и подумай хорошенько. Ну съедешь ты в воду. Даже предположим, что не утонишь... Но как ты выбираться оттуда будешь?!

– Я всё предусмотрела. Вот, держи верёвку. Привяжи ее куда-нибудь. Вон к тому столбу, – распорядилась Шахи, дав один конец верёвки брату. Она разделась до нательной рубашки и привязала второй конец веревки к своему поясу.

– Не нравится мне эта идея... – бормотал себе под нос принц, привязывая верёвку к столбу лифта.

– Шахи, ты хоть знаешь, как плавать нужно?.. – уже вяло, но всё же пытался он воззвать к разуму сестры.

– Главное в воде оказаться, а я там ориентируюсь! – Шахи была настроена явно оптимистично. – Ну я пошла!

Она села на край воронки и как с горки покатила вниз, взвизгнув от удовольствия. Длины веревки хватило с лихвой! Шахи на скорости нырнула в воду и погрузилась довольно глубоко, а как всплывать она не знала. Она даже не сразу поняла где верх, а где низ, и куда ей нужно всплывать. И что хуже всего, она не позаботилась перед погружением в воду набрать полную грудь воздуха, как сделал бы опытный пловец, – наоборот, она выпустила почти весь воздух своим визгом на спуске, а привычный вдох наполнил нос противной водой. Инстинктивно она стала хаотично болтать руками и ногами и спустя несколько долгих мгновений всплыла-таки на поверхность, жадно глотнула воздух ртом – нос был заполнен водой, – и снова погрузилась в пучину. Несколько раз её голова показывалась на поверхности, но больше вдохнуть не получалось. Эсси, с ужасом наблюдавший за всем этим, стал натягивать верёвку, но вытащить Шахи на поверхность он не мог – не хватало сил. А Шахи, поднимая руки кверху, и не догадывалась, что тем самым погружает под воду свою голову!

Ещё мгновение, и в глазах её потемнело, а тело обмякло.

Эсси, понимая, что его сил недостаточно, чтобы вытащить за верёвку сестру, побежал звать на помощь, проклиная себя за то, что не был достаточно настойчивым, чтобы отговорить её от этой ужасной затеи!

Шахи опускалась всё ниже и ниже в воду, которая становилась всё темнее и темнее. В какой-то момент она увидела впереди светлое пятно, и оно, становясь четче, приняло форму

высокой молодой женщины с короткими серебристо-белыми волосами, одетой в длинную холщовую рубашу. Женщина улыбнулась Шахи, приблизилась, взяла её за руки и они стали подниматься вверх. Легко поднялись они из воды и остановились, то ли паря над водой, то ли стоя на ее поверхности. Шахи с удивлением увидела вокруг бескрайний океан, тёмно-синий, покачивающий их на волнах. Женщина, казалось, пытается что-то сказать, но шум ветра уносил её слова. Она раскинула руки в стороны и на них сели птицы – на правую – синяя, как море, а на левую – красная, как пламя.

И тут Шахиштрё открыла глаза. Над ней было чистое голубое небо, а под ней прохладная, приятная вода. Шахи удивилась, но лишь немного, где-то на периферии сознания, ведь так естественно было вот так просто лежать на воде. Руки сделали пару взмахов, и она поплыла головой вперёд. Было легко и как будто бы привычно плыть без усилия, не думая о том, как двигаться – все происходило само, как при ходьбе – стоит подумать только, куда хочешь попасть, и ноги сами делают шаги. Но был и небольшой недостаток: не было видно, куда плывёшь, и потому она перевернулась со спины на живот и тоже легко и естественно поплыла, описывая круг вдоль стены водохранилища. Послышались, приближаясь, крики. Шахи глянула вверх – на платформе у воронки появился Эсси и еще несколько мужчин.

– Смотри, как я могу! – крикнула Шахи и проплыла, переворачиваясь то на спину, то на живот так ловко, будто плавала всегда.

Эсси не поверил своим глазам. Когда он побежал за помощью, сестра была без сознания, а через пару минут – уже плавает как ни в чём не бывало!

– Тебя вытаскивать? – спросил он растерянно.

– Нет, я еще поплаваю! Это так здорово! – отвечала Шахи.

И она плавал и плавала, пока не приехали люди, посланные Эштшенджи и не вытащили принцессу из воды по его же приказу.

Фаршад взлетел вверх по ступенькам до самого третьего этажа, промчался по коридору, в библиотеку, к телескопу. Еще несколько секунд ушло на то, чтобы навести телескоп на водохранилище. И что же он увидел? Его дочь в белой нательной рубашке плавает по воде туда-сюда и даже не думает тонуть!

– Эштшенджи! – грозно крикнул фаршад. Первый министр хоть и спешил, но не поспевал за повелителем. Тяжело дыша он, наконец, приблизился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.